

Заключение

Таким образом, профессиональная деятельность медицинских работников, участвующих в лечении и реабилитации больных, предполагает эмоциональную насыщенность и высокий процент факторов, вызывающих стресс. По классификации профессий по «критерию трудности и вредности» (по А.С. Шафрановой) медицина относится к профессии высшего типа по признаку необходимости постоянной внеурочной работы над предметом и собой [5].

Высокая индивидуальная устойчивость к стрессу играет большую, если не центральную роль в предупреждении такого комплексного психологического расстройства как синдром психологического выгорания, которое не только приводит к резкому снижению качества жизни человека, но и достоверно снижает добросовестность его отношения к профессиональным межличностным взаимодействиям. Последнее может приводить к повышению риска развития опасных ситуаций, угрожающих благополучию общества [3].

Значительная активность исследователей в поле проблематики личностного потенциала обуславливает актуализацию проблемы его предикторной роли в обеспечении стрессоустойчивости субъектов профессиональных сообществ, подверженных рискам витальных угроз, возникающим в процессе деятельности, в частности, медицинских работников [1].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясько, Б. А. Личностные предикторы стрессоустойчивости медицинских работников / Б. А. Ясько, Л. С. Скрипниченко, С. Н. Стриханов, Д. Д. Тедорадзе // Российский психологический журнал. – 2023. – Том 20. – № 2. – С. 169–184.
2. Субботин, С. В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристики метаиндивидуальности учителя : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / С. В. Субботин. – Пермь, 1992. – 152 л.
3. Церковский, А. Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А. Л. Церковский // Вестник ВГМУ. – 2011. – Т. 10. – № 1. – С. 6–19.
4. Кашкевич, Е. И. Обусловленность стрессовой устойчивости особенностями индивидуально-психологических качеств врачей [Электронный ресурс] / Е. И. Кашкевич, Е. В. Зубарева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 6. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN622.pdf>. – Дата доступа: 23.09.2023.
5. Таскина, Е. А. Проблема эмоциональной устойчивости и профессионального выгорания медицинских работников / Е. А. Таскина // Вестник Российского нового университета. Серия Человек в современном мире. – 2020. – Выпуск 1. – С. 34–39.

УДК 82:378.6-057.875“18”

Т. Н. Усольцева

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»,

г. Гомель, Республика Беларусь

ОБРАЗ СТУДЕНТА-МЕДИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Введение

Исследования, посвященные анализу образов студентов-медиков в русской литературе, встречаются крайне редко. Как правило, при анализе произведений, где пер-

сонажами являются студенты, делается акцент на их бедности, увлеченности социальными проблемами и новыми теориями переустройства мира. Традиционное суждение о студенте-медике, жившем в далеком XIX веке, сложилось благодаря двум романам, известным каждому читающему человеку, – «Отцы и дети» И. С. Тургенева и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. В результате мы имеем упрощенное представление о том, как жили, как учились, чем увлекались молодые люди, обучавшиеся медицине. Кроме того, при исследовании специфики студенческого мира недостаточно активно используется огромный пласт мемуарной литературы. В данной статье основными источниками для анализа стали воспоминания о студенческой жизни писателей, окончивших медицинский факультет (П. Д. Бабарыкин, В. В. Вересаев), знаменитых ученых (И. М. Сеченов) и известных людей.

Цель

Целью данной работы является выявление характерных черт, присущих образу жизни студентов-медиков на материале мемуарной литературы.

Методы и методы исследования

При анализе тестов используется сравнительно-исторический метод с элементами биографического и культурно-исторического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Медицинское образование в России в середине XIX века можно было получить на медицинском факультете Московского, Дерптского (ныне Тартуский), Виленского, Казанского, Харьковского, Киевского университетов и Петербургской Медико-хирургической академии. Обучение длилось 5 лет в отличие от других факультетов, где учились 4 года. Еще в начале XIX века в России была проведена реформа в сфере образования, благодаря которой представители всех сословий имели право обучаться как в гимназиях, так и в университетах. Однако уровень студентов стал настолько низок, что позднее было принято решение принимать в университеты только тех, кто окончил гимназию.

При этом еще в 40-е годы XIX столетия в Российской империи врачей катастрофически не хватало, поэтому только поступающим на медицинские факультеты можно было сдавать вступительные экзамены, не имея гимназического аттестата. Это во многом определяло социальный состав студентов: гимназии были платными, учиться там могли в основном дети чиновников и дворян, поэтому для детей купцов, священников, мещан был открыт только один факультет. Так, С. П. Боткин, купеческий сын, получивший начальное образование в частном пансионе, мечтавший стать математиком, вынужден был поступать на медицинский факультет (1850).

У не очень хорошо обеспеченных людей были еще как минимум две причины, благодаря которым они стремились учиться хотя бы на медицинском факультете: всякий, кто оканчивал университет, получал личное дворянство и профессию, позволявшую прокормить себя. Известно множество реальных историй, когда выходцы из беднейших слоев населения шли в университет из разных городов России пешком, босиком, повесив на плечи единственные сапоги. Одним из них был писатель-демократ А. И. Левитов, который с приятелем пошел из Тамбова в Москву, но, дойдя туда, узнал, что в Петербургской Медико-хирургической академии больше мест, и, не раздумывая, отправился в столицу.

Студенты могли учиться за государственный счет, их называли казеннокоштными, они жили в общежитиях, их кормили три раза в день, а в особых случаях выплачивали стипендию. После окончания университета они должны были отработать 6 лет, при этом выпускники медицинских факультетов приписывались к военным штабам.

Обучавшиеся за свой счет – своекоштные – платили немаленькие деньги, оплачивали обучение и вольнослушатели. Если человек получал стипендию хоть какое-то время и оставлял университет или академию, не доучившись, его все равно отправляли отрабатывать казенные деньги. Тот же самый А. И. Левитов был вынужден служить фельдшером в Вологде, куда его «прикрепили» после исключения из университета «за неуспехи в науках». В случае начала войны казеннокоштным сокращали обучение на год и сразу отправляли на фронт. И. М. Сеченов вспоминал о том, что в 1855 году во время Крымской войны четверокурсникам объявили, что «по высочайшему повелению все мы должны будем держать выпускной экзамен и отправляемся затем на войну, а на второй неделе поста скончался император Николай, и было объявлено, что выпуску будут подлежать лишь казеннокоштные» [1].

В связи с острой нехваткой врачей различные учреждения платили стипендию обучавшимся в университете. Н. В. Склифосовский получал стипендию от одесского Приказа общественного призрения, а А. П. Чехов от городской управы Таганрога. Стипендии были маленькие, на них практически невозможно было прожить, однако они являлись серьезным подспорьем, позволявшим многим молодым людям получить высшее образование. Студенты, у которых было тяжелое материальное положение, подрабатывали, где могли. Зачастую они давали уроки, искали любую работу. Так, Н. И. Пирогову удалось устроиться на прозекторскую должность в анатомическом театре, В. В. Вересаев на старших курсах работал в терапевтической клинике в лаборатории, П. Д. Бабарыкин, А. П. Чехов много писали, публиковались и получали гонорары уже в студенческие годы.

Практически во всех воспоминаниях о студенческой жизни мемуаристы указывали на бедность, которую они испытывали, как на основную черту этого жизненного периода. В. В. Вересаев отмечал, что «приходилось во всем обрезать себя. Горячую пищу ели раз в день, обедали в кухмистерской. Утром и вечером пили чай с черным хлебом, и ломти его посыпали сверху тертым зеленым сыром. <...> После сытного домашнего стола было с непривычки голодно, в теле все время дрожало чисто физическое раздражение» [2]. На одежду тоже денег не хватало, поэтому о рваных сапогах, старых шинелях даже не принято было говорить. Студенты всячески демонстрировали пренебрежение к своему внешнему виду и считали «позором заботиться об изяществе костюма» [3, с. 392]. Широко известен факт, что Н. И. Пирогов, не имевший студенческого мундира, который требовался в годы его обучения, сидел на лекциях в шинели, чтобы скрыть отсутствие форменной одежды.

Когда ношение мундира перестало быть обязательным, возникла даже особенная студенческая мода: «Излюбленным костюмом типичного студента была красная рубаха, подпоясанная каким-либо пояском или ремнем. Темные блузы были широко распространены. Брюки зачастую носились в сапоги. Если при этом были длинные, до плеч волосы, а от блузы пахло сероводородом или на ней виднелись пятна от различных реактивов – признаки усердных занятий в химической лаборатории, – то для настоящего студента это была самая почетная внешность. В зимнее время неизменной принадлежностью большинства студентов был плед, накинутый поверх летнего или осеннего пальто. В этом костюме, постельных принадлежностях и груде лекций очень часто состояло все движимое имущество студента» [3, с. 392].

Вечные студенты – это особая категория молодых людей в России XIX века. Причины бесконечного пребывания в университете были разные: кто-то не желал служить, имел достаточно денег и переходил с факультета на факультет, кто-то отличался особой любознательностью, поэтому нередко встречались случаи, когда человек оканчивал

два, а то и три факультета. Однако наблюдались и курьезные случаи, один из которых описывает В. В. Вересаев: «Когда он (вечный студент – Т. У.) был еще молодым студентом, богатый дядюшка, умирая, завещал выплачивать ему по двести рублей в месяц “до окончания университетского курса”. Ну, он, конечно, с этим окончанием не стал спешить и уже тридцать пять лет, к негодованию и бешенству прямых наследников, все получал свои двести рублей».

В университете вплоть до начала XX века могли учиться только мужчины. Либеральная профессура и активные студенты постоянно боролись за право на женское образование, но максимум, чего они могли добиться – разрешения посещать девушкам лекции в статусе вольнослушателей. В таком случае они не получали диплом и не могли официально поступать на службу. На многочисленные обращения с просьбами разрешить обучение представительницам женского пола, чиновники отвечали отказами и уверениями, что женщины еще недостаточно подготовлены для того, чтобы получать знания в университете.

Учились студенты по-разному. Биограф С. П. Боткина, Н. А. Белоголовый, писал: «Студенты-медики, составлявшие более двух третей числа всех студентов, только в меньшинстве занимались прилежно своим делом, большинство же целый день проводили в трактирах за бильярдной игрой и тратили свой юношеский пыл на безобразные попойки...» [4]. О веселой жизни свидетельствуют и любимые студенческие песни тех лет – «Там, где Крюков канал...» («От зари до зари...», «Через тумбу-тумбу раз...»), а также знаменитый «Чижик-пыжик». Песню «Там, где Крюков канал...» студенты каждого университета переделывали с учетом местного колорита, но неизменно оставляли слова о заразительных шалостях, от которых не могут удержаться даже святые: «От зари до зари, как зажгут фонари, / Вереницы студентов шатаются. / Они горькую пьют, они песни поют / И еще кое-чем занимаются» [5].

Однако были и те, кто самым серьезным образом сосредотачивался на учебе. Такие студенты полагали «неблаговидным готовиться к экзамену только по лекциям или учебникам: надо было “прихватить” хоть немного “литературы предмета”. Главным делом считалось самообразование, являвшееся как бы одним из элементарных требований студенческой порядочности» [3, с. 391].

Обучение студентов жестко регламентировалось государством, в связи с этим иногда случались курьезные ситуации. Многие годы рассказывали анекдоты о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким, который приказал трупы, найденные в анатомическом театре, захоронить по православному обряду. И. М. Сеченов вспоминал, что на первом курсе наряду с анатомией (которую, кстати, как и фармакологию, и «рецептуру», читали на латинском языке) и другими естественными науками преподавали богословие. Зачастую студенты были недовольны уровнем знаний, которые они получали. М. И. Сеченов, высоко ставивший своих университетских преподавателей, отмечал, что медицина того времени отличалась «голым эмпиризмом»: в учебниках перечислялись причины заболевания, симптомы болезни, способы лечения, «а о том, как из причины развивается болезнь, в чем ее сущность и почему в болезни помогает то или другое лекарство, ни слова» [1]. С. П. Боткин в качестве недостатков обучения называл преподнесение знаний «в форме катехизисных истин», что не способствовало развитию «пытливости, которая обуславливает дальнейшее развитие» [4].

По окончании курса обучения студентам-медикам, как правило, присваивали лекарскую степень, получить степень доктора, которая требовалась «для замещения старших должностей в военном и гражданском ведомствах» [4], было достаточно сложно особенно в Московском университете. С. П. Боткин, учившийся блестяще, сдавал экза-

мены (которых было немало) на степень доктора, но получил ее только после переэкзаменовки у профессора Глебова, ярого противника присвоения степени выпускникам университета.

Выводы

Таким образом, среди студентов-медиков было гораздо больше выходцев из разночинцев, учившихся как за казенный, так и за свой счет. Они были менее подготовлены для обучения в университете, многие из них из-за своей крайней бедности вынуждены были зарабатывать себе на жизнь, что не способствовало получению качественных знаний. При этом студенты-медики гораздо серьезнее относились к учебе, желая быть «поменьше шарлатаном» [2], осознавая всю ответственность будущей профессии и ту пользу, которую они могут принести своей деятельностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сеченов, И. М. Записки русского профессора от медицины / И. М. Сеченов. – М. : АСТ, 2014 – Режим доступа: <https://loveread.info/books/istoricheskaya-proza/page-16-85986-ivan-sechenov-zapiski-russkogo-professora-ot-mediciny.html#fullstory-text>. – Дата доступа: 28.08.2023.
2. Вересаев, В. В. Воспоминания / В. В. Вересаев. – М.; Л.: Гослитиздат, 1946 – Режим доступа: https://royallib.com/read/veresaev_vikentiy/vospominaniya.html#1146880. – Дата доступа: 1.09.2023.
3. 5. Никифоров, Н. К. Петербургское студенчество и Влад. Серг. Соловьев / Н. К. Никифоров // Владимир Соловьев: Pro at contra. – СПб. : РХГА, 2000. – 896 с.
4. Белоголовый, Н. А. Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность / Н. А. Белоголовый. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belogolowyj_n_a/text_1892_botkin.shtml. – Дата доступа: 29.08.2023.
5. «Там, где Крюков канал...» и «Чижик-пыжик». – Режим доступа: <https://pharmateacher.livejournal.com/51332.html>. – Дата доступа: 31.09.2023.

УДК 796.422.12:[61:378.6-057.875]

А. В. Чевелев, А. Н. Поливач, Е. А. Кириченко

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»

г. Гомель, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В СПРИНТЕРСКОМ БЕГЕ

Введение

В подготовке студентов медицинского вуза, занимающихся в секции легкой атлетики, специализирующихся в спринтерском беге, должны быть охвачены основные компоненты подготовки, а именно: теоретическая, техническая, тактическая, общефизическая, специальная, соревновательная. Необходимо поэтапное распределение тренировочных и соревновательных нагрузок в годичном цикле, обоснование основных задач каждого этапа, с учетом особенностей данной категории занимающихся [1].

Так же стоит отметить, что режим учебно-тренировочных занятий у студентов значительно отличается от нормативных требований и режима учебно-тренировочных занятий в специализированной спортивной школе. Нормативные требования для легкоатлетов специализированной спортивной школы включают в себя режим учебно-тренировочных